

Тина Фелис

ТАЙНА СТАРОГО ПОМЕСТЬЯ

НАСЛЕДНИКИ

КНИГА ТРЕТЬЯ

Тина Фелис

**Тайна старого
поместья. Наследники.
Книга третья.**

«Автор»

2026

Фелис Т.

Тайна старого поместья. Наследники. Книга третья. / Т. Фелис —
«Автор», 2026

Буря, тайны и годы разлуки — всё сходится в одной точке. Жак почти добился всего, чего хотел. Но правда оказалась сильнее лжи, которой он держал семью Равель много лет. Теперь Алену предстоит узнать, кем на самом деле был человек, которого он считал погибшим отцом — и кем стала девочка из его детского сна, которую он не переставал искать. Склеп хранит не проклятие, а документ, способный изменить всё. Перстень — не просто фамильная реликвия, а ключ, который откликается только на кровь Равелей. А дом, много лет молчавший от боли, наконец готов снова наполниться смехом. Аврора встретит мать, которую помнила лишь обрывками снов. Аллегра и Ален подойдут ближе к свадьбе, которую откладывали слишком долго. Николь решится задать вопросы, которые боялась задавать всю жизнь. А тайна, начавшаяся со шторма и разрушенного портрета, получит финал, которого заслуживает каждый из них. Заключительная книга трилогии «Тайна старого поместья» — о том, что дом это не стены, а те, кто в нём остаётся.

© Фелис Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 65. Тайна Жака	6
Глава 66. След в темноте	11
Глава 67. Годы без вестей	14
Глава 68. Весть	15
Глава 69. Ловушка	18
Глава 70. Человек в тени	21
Глава 71. Знак Николь	23
Глава 72. Голос из прошлого	28
Глава 73. Дом в огне	32
Глава 74. Тайный ход	40
Глава 75. То, что ещё предстоит вспомнить	45
Глава 76. По следу Жака	48
Глава 77. Склеп	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Тина Фелис

Тайна старого поместья. Наследники. Книга третья.

От автора

Год назад, за этим же самым столом, Ален и Аллегра дали друг другу обещание сыграть свадьбу — и даже начали составлять список гостей, ещё не подозревая, сколько имён в этот список предстоит вписать, прежде чем он будет закончен по-настоящему.

Они не знали тогда, что где-то далеко жив отец, которого Ален считал погибшим. Не знали, что у него есть сестра, о существовании которой напоминал только беспокойный детский сон. Не знали, что мужчина, однажды разрушивший их с Аллегррой счастье одним поддельным письмом, ещё не сказал своего последнего слова — и что тайна старого поместья, начавшаяся много лет назад со шторма, разрушившего один-единственный зал, но пощадившего один-единственный портрет, была лишь первой из множества тайн, которые предстояло раскрыть.

Первая книга этой истории рассказала о письме, которого не было, — и о том, как двое влюблённых, разлучённых чужой ложью, нашли дорогу друг к другу.

Вторая книга повела нас глубже — в легенду о фамильном перстне, в прошлое семьи Равель, в монастырь, где годами ждала женщина, которую все считали умершей, и в тени, где годами скрывался человек, которого считали погибшим.

Эта книга — заключительная в трилогии. Здесь все нити наконец сходятся в одной точке: склеп, хранящий больше, чем золото; дом, который ждал хозяина, чтобы снова наполниться смехом; и семья, которая долгие годы существовала лишь в воспоминаниях и надеждах, а теперь наконец садится за один стол.

Это книга о цене мести и цене верности. О том, что иногда самая большая тайна — не там, где её ищут, а в самих людях, которые её хранят.

И, конечно, это книга о доме — не как о стенах, а как о месте, куда возвращаются, даже пройдя через огонь, обвал и годы разлуки.

Добро пожаловать в «Наследники старого поместья» — третью и заключительную книгу трилогии «Тайна старого поместья».

Глава 65. Тайна Жака

У Жака была тайна, с которой он жил почти всю жизнь.

Всё началось ещё в юности, когда он впервые почувствовал себя несправедливо обойдённым. По завещанию наследство досталось не ему, а Эдмунду — кузену, которого Жак ненавидел, хотя долгие годы искусно скрывал свои истинные чувства.

Но наследство было не единственным, что Эдмунд у него отнял.

Жак с юности любил Изабеллу.

Он был уверен, что однажды она станет его женой. Однако Изабелла выбрала Эдмунда. Для Жака это оказалось не просто личной трагедией. Её решение он воспринял как унижение и предательство.

Эдмунду досталось всё: состояние, положение в обществе и женщина, которую Жак считал своей.

С того времени он жил с одной целью — уничтожить кузена и забрать всё, что, по его убеждению, должно было принадлежать ему.

Когда у Эдмунда и Изабеллы родились дети, Жак знал о семье кузена почти всё. Он наблюдал за ними, терпеливо выжидая удобного момента.

И когда такая возможность появилась, воспользовался ею.

Именно Жак организовал похищение маленькой Авроры.

Не ради денег.

Не ради фамильного перстня.

И даже не ради тайны старого поместья, о которой тогда ещё почти ничего не знал.

Он похитил ребёнка ради мести.

Жак хотел, чтобы Эдмунд испытал ту же боль, которую когда-то пережил он сам. Чтобы потерял самое дорогое и до конца жизни не знал, где находится его дочь и жива ли она.

Позднее, когда обстоятельства заставили его поверить, что Эдмунд и Изабелла погибли, Аврора стала для него чем-то большим, чем орудие мести. Она превратилась в живое доказательство его победы над Эдмундом.

Он забрал у кузена дочь.

Лишил её имени, семьи и прошлого.

Но годы шли. Жак узнал о тайне старого поместья и фамильного перстня, и к давней ненависти добавилась новая одержимость.

Теперь Аврора была нужна ему не только как оружие против Алена.

Она могла стать ключом к тайне рода Равель.

Оставалось лишь решить, должен ли он открыть ей правду.

Жак знал, что когда-то Аврора была влюблена в Алена. Знал и о том, как она мечтала отнять его у Аллегры. Ему доставляло мрачное удовольствие наблюдать за этим, потому что Аврора даже не подозревала, кем на самом деле приходился ей Ален.

Но теперь молчать становилось опасно.

Разговор нельзя было откладывать.

Поздним вечером Жак позвал Аврору.

Она вошла в комнату и остановилась у двери. Жак не предложил ей сесть. Сам он стоял у окна, спиной к ней, держа в пальцах фамильный перстень. Он медленно поворачивал его, словно пытался найти на металле ответ, которого не находил годами.

Некоторое время он молчал.

Слишком долго.

Аврора почувствовала, как внутри поднимается раздражение.

— Ты хотел меня видеть? — спросила она.

Жак не ответил.

Он продолжал смотреть на перстень.

— Жак.

Только тогда он поднял глаза. В его взгляде было что-то непривычное — не раскаяние, нет. Скорее усталость человека, который слишком долго носил в себе одну и ту же мысль и наконец решил превратить её в оружие.

— Ты всё ещё не понимаешь, почему когда-то я выбрал именно тебя? — наконец спросил он.

Аврора посмотрела на него с нескрываемой ненавистью.

— Потому что ты всегда использовал людей. Я была нужна тебе, чтобы добраться до Алена. Разрушить их союз с Аллегрой и отобрать имение у Пьера и его виноградники и, самое главное, уничтожить его самого Пьера через потерю Жаклин и потерю ими их дочерей, поэтому ты якобы женился на Николь, а Аллегру запрятал в психушку. Я всё о тебе знаю. Ты настоящий злодей! Я тебя ненавижу!

— Нет. Ты меня совсем не знаешь.

Ответ прозвучал слишком быстро.

На губах Жака появилась едва заметная усмешка, но глаза остались холодными.

— Я выбрал тебя задолго до того, как Ален стал для меня препятствием.

Аврора нахмурилась.

— Тогда почему?

Жак медленно приблизился к ней. Не торопясь. Так, чтобы каждый его шаг успел отозваться в тишине комнаты.

— Потому что ты была дочерью Изабеллы.

Аврора замерла.

Слова будто не достигли её сознания. Она слышала их, но не могла соединить со смыслом.

— Что ты сказал?

— Изабелла была твоей матерью.

Несколько мгновений она смотрела на него, не в силах осмыслить услышанное.

Потом коротко, почти беззвучно рассмеялась.

— Ты лжёшь.

— На этот раз нет.

— Откуда ты мог знать мою мать?

Жак отвёл взгляд.

И этого оказалось достаточно.

Лицо его изменилось. На короткое мгновение в глазах появилось чувство, которое он долгие годы прятал даже от самого себя. Боль. Старая, застывшая, почти забытая — но всё ещё живая.

Аврора заметила её.

— Ты действительно её знал...

— Я любил Изабеллу, — произнёс он почти спокойно.

Пауза между словами стала тяжелее самого признания.

— Любил задолго до того, как она выбрала Эдмунда.

— Эдмунда?.. — голос Авроры дрогнул.

Жак посмотрел ей прямо в глаза.

— Твоего отца.

Аврора побледнела.

Она сделала шаг назад, но упёрлась плечом в дверь.

— Нет...

— Да.

— Ты знал моих родителей?

— Я знал о них всё.

— Поэтому ты забрал меня?

Жак не ответил.

Он просто сжал перстень в ладони.

Молчание растянулось между ними, и в нём Аврора слышала больше, чем могла вынести.

— Ты украл меня у моей матери? — прошептала она.

Жак медленно поднял взгляд.

— Украл ребёнка ради мести?

— Я хотел, чтобы Эдмунд потерял то, что считал своим навсегда.

— Я не была вещью!

Её голос сорвался. Она сама не заметила, как шагнула к нему.

— Я была ребёнком!

— Для него ты была самым дорогим сокровищем.

— А для тебя?

Жак промолчал.

Аврора смотрела на него, ожидая ответа, но он не спешил его давать. И в этой паузе ей вдруг стало ясно: он сам не мог решить, кем она была для него теперь — доказательством победы, орудием или человеком.

— И потому я выбрал тебя, — сказал он наконец.

Аврора отшатнулась, словно он ударил её.

В одно мгновение перед ней промелькнула вся прожитая жизнь: чужой дом, ложь, страх, одиночество и бесконечное ощущение, что она не принадлежит самой себе.

Жак украл у неё не только родителей.

Он отнял её имя, детство и семью.

— Кто я? — едва слышно спросила она.

Жак выдержал её взгляд.

— Ты Аврора Равель. Дочь Эдмунда и Изабеллы.

Он сделал короткую паузу.

Слишком короткую, чтобы она успела прийти в себя, и достаточно долгую, чтобы следующие слова прозвучали как приговор.

— И родная сестра Алена.

Аврора судорожно вдохнула.

— Ален... мой брат?

— Да.

Она закрыла рот рукой, но это не помогло сдержать рвущийся наружу стон.

Перед глазами вспыхнули прежние воспоминания: её влюблённость, ревность к Аллегре, мечты о том, что однажды Ален будет принадлежать ей. Теперь каждое из них стало отвратительным и невыносимым.

Ей стало дурно.

Она пошатнулась.

Жак не двинулся, чтобы поддержать её.

И тут Аврора поняла ещё одно.

— Ты знал, — прошептала она.

Он молчал.

— Ты всё это время знал о моих чувствах к нему.

Жак не отвёл взгляда.

— Знал.

Внутри неё что-то оборвалось.

Не закричав, Аврора метнулась к столу и схватила лежавший там нож для разрезания писем. В следующий миг его остриё оказалось возле груди Жака.

Он успел перехватить её руку.

— Убей меня — и снова потеряешь всё, — тихо произнёс он.

— Мне больше нечего терять!

— Ошибаешься.

Он с силой сжал её запястье, заставляя выпустить нож.

— У тебя есть Ален. Шарль. Правда о твоей матери.

— Ты лжёшь!

— Возможно.

Он отпустил её.

Аврора прижала руку к груди, тяжело дыша. На коже уже проступали красные следы его пальцев.

Жак сделал шаг назад, словно намеренно возвращал ей пространство. Но это было лишь видимостью свободы.

— Но пока я единственный человек, который знает всю правду.

— Зачем ты рассказал мне это сейчас?

Жак снова посмотрел на фамильный перстень.

На этот раз его пальцы дрогнули.

— Потому что ты мне нужна.

— Для чего?

— Чтобы открыть тайну вашей семьи.

Аврора с ненавистью смотрела на человека, укравшего у неё всю жизнь.

— Я никогда не стану тебе помогать.

— Станешь.

— Нет.

— Ты слишком уверена в себе.

— Я скорее умру.

Жак поднял глаза.

В его лице исчезла прежняя усмешка.

— Не говори о смерти так легко.

— Почему? Ты ведь уже отнял у меня всё остальное.

Несколько секунд он молчал.

Затем медленно приблизился.

— Тогда я спрячу тебя так, что ни Ален, ни Шарль никогда не смогут тебя найти.

Аврора почувствовала, как холодеют пальцы.

— Где?

Жак наклонился к ней. Его голос стал почти шёпотом, но от этого угроза прозвучала ещё страшнее.

— В семейном склепе.

Аврора побледнела.

— Ты не посмеешь.

— Не заставляй меня доказывать обратное.

— Ты не посмеешь!

Теперь в её голосе звучал страх, и Жак услышал его. На мгновение в его глазах мелькнуло удовлетворение.

— Замурую тебя среди мёртвых Равелей, — произнёс он. — Камень за камнем. Так, чтобы никто не услышал твоего голоса.

Аврора отступила, пока не упёрлась спиной в стену.

— Нет...

— Никто даже не догадается, что ты находишься там.

— А если я закричу?

— Стены старые. Толстые.

Он говорил спокойно, почти буднично, словно обсуждал не её смерть, а место, куда можно убрать ненужную вещь.

— А если меня найдут?

— Не найдут.

— Ален найдёт меня.

— Ален даже не знает, что ты его сестра.

— Шарль будет искать.

— Пусть ищет.

Жак наклонил голову.

— Ты думаешь, я не умею прятать то, что мне дорого?

Аврора вздрогнула.

— Я тебе не дорога.

На лице Жака что-то дрогнуло.

Всего на миг.

Но он тут же снова стал холодным.

— Неважно, что ты думаешь.

— Зачем я тебе?

Жак снова посмотрел на перстень.

— Потому что в тебе течёт кровь этого рода. И пока я не раскрою тайну старого поместья, я тебя не отпущу.

— А если я откажусь?

Он не ответил сразу.

Вместо этого медленно провёл большим пальцем по краю перстня.

— Тогда ты узнаешь, насколько тесным может быть каменный склеп.

Аврора смотрела на него, не в силах отвести взгляд.

Теперь всё встало на свои места.

Когда-то Жак похитил Аврору из-за любви к Изабелле и ненависти к Эдмунду. Потом удерживал возле себя как оружие против Алена. А теперь хотел использовать её как ключ к тайне семьи Равель.

Всю жизнь он пытался отнять у Эдмунда самое дорогое.

Но даже спустя столько лет не понял, что сам стал пленником прошлого.

Он не смог отпустить ни Изабеллу, ни свою ненависть, ни фамильный перстень.

Глава 66. След в темноте

Ночь опустилась на Дели быстро, будто устав держать над городом раскалённый день.

В доме Жака давно погасли почти все огни. Только в коридорах горели редкие лампы, оставляя на каменных стенах длинные дрожащие тени — они удлинялись и сжимались, как что-то живое, потревоженное сквозняком.

Аврора сидела на полу своей комнаты, прислонившись спиной к стене.

После признания Жака она уже не плакала. Слёзы кончились раньше, чем силы.

Слишком многое произошло за несколько часов.

Она была дочерью Изабеллы.

Сестрой Алена.

Ребёнком, которого Жак когда-то украл у собственной семьи.

И всё это время человек, которого она по привычке называла своим господином, знал каждую из этих правд — и хранил их от неё, как хранят оружие: до того момента, пока оно не понадобится.

Аврора медленно поднялась.

Первым делом подошла к двери.

Заперта.

Она ощупала замок пальцами — холодный, тяжёлый, старый металл. Слишком крепкий, чтобы поддаться силе.

Тогда её взгляд упал на окно.

Оно выходило во внутренний двор. Высоко — но не настолько, чтобы мысль о побеге казалась пустой.

Аврора отодвинула занавеску. Внизу было пусто и тихо.

Она уже взялась за раму, когда за дверью послышались шаги.

Отступила. Замерла.

Дверь распахнулась.

На пороге стоял один из людей Жака.

— Куда собралась?

Аврора ничего не ответила. Смотрела на него так, как смотрят сквозь стекло — не видя. Мужчина усмехнулся, поставил на стол поднос с водой и хлебом.

— Хозяин приказал не спускать с тебя глаз.

— Скажите Жаку, что я хочу его видеть, — произнесла она наконец, и голос прозвучал ровнее, чем она ожидала от себя.

— Зачем?

— Мне есть что ему сказать.

— Передам.

Он вышел. Дверь снова закрылась — тот же тяжёлый, окончательный звук.

Аврора дождалась, пока шаги стихнут в конце коридора. Потом посмотрела на поднос.

Хлеб был прикрыт тонкой кружевной салфеткой, аккуратно сколотой небольшой медной булавкой — то ли по давней привычке слуг, то ли просто чтобы ткань не сдувало сквозняком.

Аврора медленно вытащила булавку.

И начала осторожно работать с замком.

* * *

Пальцы дрожали. Не от страха — от долгого напряжения, которое искало выход хоть в чём-то.

Первая попытка не удалась. Вторая тоже.

Она заставила себя дышать медленнее.

Щёлк.

Замок поддался.

Аврора застыла — не веря, что услышала именно этот звук.

Медленно повернула ручку. Дверь открылась почти беззвучно.

Коридор был пуст.

Она вышла — и несколько секунд просто стояла, не в силах сделать следующий шаг. Свобода оказалась гораздо более хрупкой на ощупь, чем она себе представляла: один неверный звук — и всё оборвётся.

Затем снизу донеслись голоса.

Аврора побежала.

Она знала этот дом плохо. Но помнила слова Жака о семейном склепе — и ухватилась за это воспоминание, как хватаются за единственную нить в темноте.

Если не удастся выбраться наружу, она хотя бы должна найти это место. Может быть, там есть другой выход.

Она свернула за угол — и вдруг столкнулась с человеком.

Вскрикнула.

Он мгновенно прижал палец к губам.

— Тише.

Она отступила к стене.

— Кто вы?

— Тот, кого прислали за Николь.

Аврора замерла.

— Николь здесь?

— Да.

— А Шарль?

— Снаружи. Ждёт сигнала.

У Авроры перехватило дыхание.

— Он жив?

— Жив. И вас искал не меньше, чем её.

На глазах Авроры выступили слёзы — быстрые, непрошенные.

Незнакомец уже смотрел мимо неё, в темноту коридора.

— Нам нужно уходить.

— Я не могу.

— Почему?

— Здесь Жак, — прошептала она.

И в ту же секунду из глубины коридора раздался его голос:

— Аврора.

Она замерла, как замирает животное, почуявшее хищника раньше, чем его увидело.

Спутник Авроры потянулся к оружию за поясом.

Но она вдруг обратила внимание на другое.

Жак стоял в нескольких шагах. В его руке был перстень — он сжимал его так, будто это единственное, за что ещё можно удержаться.

Он смотрел не на неё.

Он смотрел на человека рядом с ней. И на его лице впервые за весь вечер промелькнуло что-то похожее на настоящий страх.

— Значит, — медленно произнёс он, — Эдмунд всё-таки прислал своих людей.

Спутник Авроры не ответил ни да, ни нет. Только чуть повернул голову — ровно настолько, чтобы Жак понял: он не ошибся.

За окнами слышался шум. Десятки шагов, сложенных, как единое дыхание.

Дом был окружён.

И тогда Жак впервые за долгое время почувствовал то, чего не позволял себе чувствовать годами.

Что игра, которую он вёл столько лет, закончилась не по его правилам.

Глава 67. Годы без вестей

Годы в монастыре текли по кругу, как чётки под пальцами настоятельницы, — один и тот же счёт, снова и снова.

Изабелла давно научилась жить так, чтобы боль не съедала её заживо. Не забыла — она не умела забывать — но приручила её, как приручают дикого зверя: осторожно, изо дня в день, пока он не перестает бросаться на горло.

По утрам она выходила к воротам монастыря, где уже собирались люди из соседних селений — за помощью. Разбитые колени детей. Лихорадка стариков. Роды, которые начинались раньше срока. Изабелла давно освоила искусство врачевания — сначала от отчаяния, чтобы занять руки и мысли хоть чем-нибудь, а потом уже по-настоящему, вдумчиво, как ремесло, которому нельзя изменить.

— Ты могла бы лечить в городе, — сказала ей однажды настоятельница. — Тебя бы озолотили за такие руки.

Изабелла лишь покачала головой.

— Здесь меня никто не спрашивает, кто я была раньше.

Это было единственное, чего она просила у мира, — не спрашивать.

* * *

После полудня, когда солнце переставало жечь, она уходила в сад.

Розы стали её вторым ремеслом — тем, что не лечило чужие раны, а заживляло собственные. Она выращивала сорта, каких никто в этих краях прежде не видел, — привезённые семена, скрещённые черенки, цветы почти чёрного, почти белого, почти невозможного оттенка.

— Если я могу вырастить что-то живое и красивое из ничего, — сказала она однажды себе, срезая первый бутон нового сорта, — значит, не всё во мне ещё умерло.

Розы не задавали вопросов. Не требовали объяснений. Просто росли — медленно, прямо, вопреки всему, — совсем как она сама.

* * *

А по вечерам, когда монастырь затихал и даже розы в саду смыкали лепестки, Изабелла садилась у окна с Библией на коленях.

Она редко читала подолгу.

Чаще просто держала книгу закрытой, глядя в темноту за стеклом, и говорила — не вслух, внутри себя — с теми, кого потеряла.

С Эдмундом, которого не переставала считать живым, хотя ей давно перестали говорить о поисках.

С Аленом, о котором изредка долетали скудные вести — вырос, путешествует, силен характером.

С Авророй, о которой не было ничего. Только имя, которое она повторяла каждый вечер, как молитву, у которой нет адресата, — и детская лента, которую она так часто держала в руках, будто прикосновение к выцветшей ткани могло донести её слова быстрее, чем сами слова.

Она плакала каждый раз. Тихо, без всхлипов — слёзы просто текли, пока не заканчивались сами.

А наутро снова выходила к воротам, где её уже ждали.

Потому что руки должны были что-то делать.

Иначе разум сходил бы с ума от тишины.

Глава 68. Весть

Жизнь в монастыре пробуждалась так же, как и сотни раз прежде. Колокольчик разбудил обитательниц ещё до восхода солнца, в узких окнах часовни постепенно светлело небо, а в саду уже слышалось пение птиц — то же самое, что вчера, позавчера и годы назад.

Изабелла сидела у окна, перед ней лежало старое письмо — то самое, что она перечитывала уже сотни раз, хотя знала каждое слово наизусть. Она давно перестала ждать новых вестей. Не потому, что смирилась, а потому, что ожидание, растянутое на годы, перестаёт быть похожим на надежду и становится просто способом дышать. Где Эдмунд? Жив ли Ален? Что стало с маленькой Авророй? Она задавала себе эти вопросы каждое утро — и каждое утро откладывала их, как откладывают тяжесть, которую не под силу нести весь день.

В дверь тихо постучали.

— Изабелла, к вам пришли.

Она подняла голову медленно, почти не веря, что обращаются именно к ней — за долгие годы это была первая фраза, застигшая её врасплох.

— Ко мне? Кто?

Настоятельница лишь покачала головой:

— Он сказал, что у него для вас известие.

Изабелла встала — и почувствовала, как вдруг ослабли колени. Простое слово «известие» после стольких лет тишины прозвучало оглушительнее любого крика.

* * *

В коридоре её ждал незнакомый мужчина. Он снял шляпу.

— Простите за неожиданность.

— Кто вы? — голос выдал её, дрогнув на первом же слове.

— Человек, которому поручено передать вам письмо, — он протянул ей конверт.

Изабелла смотрела на него так, будто это была не бумага, а нечто, способное обжечь.

— От кого?

— Прочитайте.

Руки дрожали так сильно, что она едва сумела разорвать край конверта. Первая строка ударила её сильнее любого удара: «Не бойтесь. Ваш сын жив». Письмо выскользнуло из пальцев и упало на каменный пол.

— Нет... — прошептала она, не веря собственному голосу, и наклонилась поднять его почти судорожно, будто боялась, что бумага исчезнет, если промедлить хоть секунду. Перечитала — ещё раз, ещё, буквы плыли не потому, что были неразборчивы, а потому, что глаза уже застилали слёзы.

— Кто это написал?

— Человек, который очень долго не мог сообщить вам правду.

Она замерла.

— Эдмунд?

Мужчина молчал. Но это молчание было громче любого ответа. Изабелла закрыла глаза — и в темноте под веками вдруг снова увидела его лицо, таким, каким помнила: живым, тёплым, настоящим. Столько лет она заставляла себя не вызывать этот образ, потому что каждый раз он причинял почти физическую боль. Теперь боль осталась, но рядом с ней впервые за долгие годы стояло что-то ещё. Слёзы текли уже свободно, она даже не пыталась их остановить.

— Где он? — голос сорвался почти на шёпот.

— В Дели.

— Ален?

— Тоже там.

Она прижала письмо к груди так крепко, будто хотела вобрать его в себя. Несколько долгих секунд она не могла произнести ни слова — дыхание перехватывало, грудь горела.

— А моя дочь? — выдохнула она наконец, едва слышно, будто сам вопрос причинял боль произнести вслух.

— Аврора?

— Да, — она почти не дышала, ожидая ответа, который мог обрушить её окончательно — в любую сторону.

Он сделал паузу — короткую, но Изабелле она показалась вечностью, за которую она успела пережить и надежду, и ужас одновременно.

— Она жива.

Изабелла не смогла произнести ни звука. Комната вдруг качнулась перед глазами, и она опустилась на стул — не потому что хотела сесть, а потому что ноги отказались держать её дальше. «Моя девочка...» — прошептала она, и это были не просто слова: они вырвались из самой глубины, где она годами хранила боль, которую боялась даже называть по имени. И впервые за долгие годы она плакала не от горя, а так, как плачут, когда невозможно вынести собственное счастье — рвано, взхлёб, прижимая ладони ко рту, будто пытаясь удержать в себе крик, который рвался наружу вместе со слезами.

* * *

Прошло немало времени, прежде чем она снова смогла говорить.

— Почему они не пришли сами? — спросила она, всё ещё вытирая мокрые щёки дрожащей рукой.

— Потому что обстоятельства пока не позволяют.

— А Эдмунд? Он знает, что вы здесь?

— Да.

— И не пришёл? — в её голосе прозвучала не обида, а что-то более острое, почти отчаяние.

Мужчина отвёл взгляд.

— Он боится. Что слишком поздно.

Что-то в груди Изабеллы дрогнуло — не боль, а нечто похожее на гнев, обращённый на саму судьбу, которая столько лет держала их порознь из-за одного и того же страха.

— Он ошибается, — произнесла она, и в этих двух словах было больше решимости, чем во всех годах её ожидания. Она поднялась резко, будто годы усталости вдруг разом отступили. — Я ждала его всю жизнь.

* * *

Мужчина уже собирался уходить, когда она удержала его за рукав почти инстинктивно, будто боялась, что вместе с ним уйдёт и сама эта новость.

— Подождите.

Он обернулся.

— Передайте Эдмунду...

Она замолчала. Столько слов теснилось внутри — упрёки, тоска, годы одиночества — но ни одно не казалось достаточно точным. Наконец она произнесла, и голос её впервые за весь разговор прозвучал ровно:

— Передайте ему, что я не сердилась. И ещё, — добавила она, глядя в окно, где солнце уже поднималось над садом, заливая его золотом, будто в честь этого утра, — скажите ему, что я больше не хочу ждать.

* * *

Когда мужчина ушёл, Изабелла осталась одна, и впервые за долгие годы тишина монастыря показалась ей не убежищем, а тесной клеткой. Она снова раскрыла письмо — взгляд остановился на последней строке: «Ваши дети ближе, чем вы думаете». Провела пальцами по

бумаге медленно, будто хотела ощутить под пальцами не чернила, а самих детей, которых не держала в объятиях столько лет.

Потом впервые за долгое время подошла к старому сундуку в углу комнаты и откинула крышку — руки всё ещё дрожали. Детская лента. Маленькая игрушка. Старая фотография. И крошечная серебряная подвеска. Она взяла подвеску в ладонь и сжала так крепко, что металл впился в кожу.

— Аврора... — выдохнула она, закрыла глаза и тихо, но твёрдо произнесла: — Я иду к вам.

В тот же день Изабелла впервые за много лет покинула монастырь — не оглядываясь, будто боялась, что если промедлит хоть мгновение, решимость её оставит.

Она ещё не знала, что её дети тоже движутся ей навстречу. И что совсем скоро она увидит человека, которого столько лет считала погибшим.

Глава 69. Ловушка

Дели встретил их тяжёлым, душным воздухом.

Ален ехал молча, время от времени поглядывая в окно экипажа. Рядом сидела Аллегра. После всего пережитого она казалась непривычно тихой, но в её глазах снова появился тот живой огонь, который он так боялся больше никогда не увидеть.

— Ты думаешь о Николь? — спросила она.

Ален кивнул.

— О Николь... и о том человеке, который всё это время был рядом с ней.

— Жак.

Он произнёс это имя почти беззвучно.

Ален уже несколько дней ощущал странное беспокойство. Будто события складывались в единую картину, но какая-то деталь всё ещё ускользала.

Он достал из кармана старый обрывок бумаги. На нём по-прежнему оставалась всего одна буква. А.

Ален провёл пальцем по чернилам.

— Иногда мне кажется, что я почти знаю, кому принадлежит это письмо.

Аллегра посмотрела на него.

— Ты обязательно вспомнишь.

Он улыбнулся.

— А если эта буква не имеет никакого отношения к тому, что я ищу?

— Тогда почему ты столько лет не можешь её забыть?

Ален ничего не ответил.

Экипаж свернул с главной дороги.

— Мы куда едем? — спросила Аллегра.

— Нам передали, что Николь видели неподалёку.

— Кто передал?

Ален посмотрел вперёд.

— Человек, которому я доверяю.

Аллегра нахмурилась.

— Ты уверен?

— Нет, — впервые произнёс он это вслух. — Но другого пути у нас нет.

* * *

Тем временем на другом конце города Жак стоял у окна. Он смотрел, как к дому приближается экипаж. На его лице появилась едва заметная улыбка.

— Он приехал.

Человек рядом с ним кивнул.

— Ален?

— Да, — Жак сжал в руке перстень. — Наконец-то.

— Что будем делать?

Жак обернулся.

— Ничего. Пусть войдёт.

Он посмотрел на старый перстень.

— Иногда человеку нужно самому открыть дверь в ловушку.

* * *

Экипаж остановился.

Ален вышел первым. Аллегра последовала за ним.

Перед ними стоял старый дом. Ничем не примечательный снаружи — потемневшие от времени стены, резные наличники на окнах, потрёпанная временем, но некогда явно красивая арка над входом.

Но Ален вдруг остановился.

Он почувствовал странное.

Не страх.

Тепло.

Он смотрел на каменные стены и не мог понять, почему в груди вдруг разлилось что-то похожее на далёкий, полузабытый уют.

— Ты знаешь это место? — спросила Аллегра.

— Не знаю... но чувствую, что знаю.

Он сделал шаг ближе. И вдруг перед глазами возникла картина — яркая, тёплая, залитая солнцем.

Маленькие ладони, липкие от спелого манго, и смех — свой собственный, детский, звонкий.

Прохладный мраморный пол под босыми ногами, приятно охлаждающий в жару.

Женский голос, поющий колыбельную на незнакомом, но ласковом языке — кто-то из прислуги убаюкивал его в полуденный час.

Пёстрый попугай в клетке у входа, который повторял одно и то же слово, и маленький Ален всякий раз хохотал, слышав его.

Запах сандала и чего-то сладкого, печёного — то ли инжир, то ли финики, — доносившийся из кухни каждый вечер.

И отцовская рука, взъерошивающая ему волосы, пока он тянется к резной деревянной лошадке на низком столике у окна.

Ален улыбнулся — сам не заметив этого.

— Я был здесь, — тихо произнёс он. — Совсем маленьким.

— Когда?

— Не знаю точно. Но помню манго. И попугая, который вечно повторял одно слово.

Он на секунду замер, будто прислушиваясь к самому себе.

— Кажется... мне здесь было хорошо.

Аллегра посмотрела на него с удивлением — и с облегчением.

— Тогда почему это место кажется мне таким зловещим сейчас?

Ален медленно перевёл взгляд на потемневшие ставни, на облупившуюся краску у входа — дом, который когда-то, судя по всему, был полон жизни и смеха, теперь выглядел так, будто из него годами вытравливали всё живое.

— Потому что кто-то превратил дом моего детства в западню, — произнёс он тихо. — И мне придётся войти в него снова.

Он на мгновение задержал взгляд на облупившейся арке, будто прощаясь с чем-то или, наоборот, давая обещание.

— Но я всё исправлю. Здесь снова будет жить счастье. Звонкий смех наших детей. И, может быть, даже попугай, который будет без конца повторять какое-нибудь одно нелепое слово — только теперь оно будет мешать спать не мне, а моим внукам.

Аллегра тихо улыбнулась сквозь тревогу, невольно тронутая этим неожиданным светом посреди мрака.

— Тогда идём, — сказала она. — Заберём обратно то, что тебе принадлежит.

* * *

В это время наверху дома человек Жака открыл дверь.

— Входите.

Ален посмотрел на него.

— Где Николь?

— Внутри.

Он сделал шаг.

Аллегра остановила его за руку.

— Ален...

Он повернулся.

— Что?

— Мне кажется, здесь что-то не так.

Он посмотрел ей в глаза. И вдруг улыбнулся.

— Мне тоже.

Но они всё равно вошли.

Дверь за ними закрылась.

В глубине дома послышался тихий щелчок.

Замок.

А где-то в темноте Жак произнёс:

— Теперь посмотрим, что ты помнишь, Ален.

Но Жак не знал одного.

Этим вечером в Дели уже находился человек, которого он считал погибшим.

Глава 70. Человек в тени

Дядя Алена — тот самый человек, что провёл рядом с мальчиком половину его детства, — в последние годы жил тихо, почти незаметно, в маленьком доме на окраине Дели.

Он давно перестал путешествовать вместе с Аленом — с того самого дня, как Ален вырос настолько, что вопросы стали опережать любые ответы, которые дядя мог себе позволить дать. Тогда он отошёл в сторону, как отходит человек, выполнивший свою часть уговора, — но не исчез вовсе. Он остался рядом, просто иначе: письмами, редкими встречами, невидимой нитью, которую Ален давно перестал замечать, а Эдмунд не переставал держать в руках.

Каждую неделю дядя писал отчёт. Коротко, сухо, без лишних слов — не потому, что не было чувств, а потому, что чувства в таких письмах были непозволительной роскошью для человека, давшего себе слово много лет назад.

«Он снова уехал. Ищет женщину по имени Аллегра».

«Он был в доме на побережье. Нашёл что-то в старом кабинете».

«Он спрашивал меня о своей сестре. Я солгал ему».

Последнее письмо он писал дольше обычного. Перо несколько раз замирало над бумагой.

«Он был в Дели. У дома с попугаем. Он вспомнил. Я видел это по его лицу».

* * *

Эдмунд получил это письмо в холодной комнате съёмного дома, где скрывался уже который год.

Он читал его трижды.

Потом сел, закрыв лицо руками, — не от отчаяния, а от чего-то, что было гораздо тяжелее отчаяния: от осознания, что время, которое он себе отвёл на прятки, закончилось не по его воле.

Он вспомнил тот дом. Резной попугай в клетке у входа. Мраморный пол, всегда прохладный даже в самую жестокую жару. Сына, который тянулся к деревянной лошадке, пока сам Эдмунд смеялся рядом, ещё не зная, что это одна из последних беззаботных зим их семьи.

— Ты помнишь дом, — прошептал он. — Значит, помнишь и меня.

Он поднялся, подошёл к окну.

Годы, которые он провёл в тени, вдруг показались ему бессмысленной, растянутой пыткой — не защитой, а просто отсрочкой неизбежного.

Он вызвал доверенного человека — того самого, кто позже придёт за Николь и столкнётся с Авророй в тёмном коридоре дома Жака.

— Собери людей.

— Куда едем?

Эдмунд посмотрел на письмо дяди, всё ещё лежавшее на столе.

— Туда, где мой сын думает, что он один.

* * *

Дядя тем временем сидел у окна своего маленького дома и смотрел на дорогу.

Он давно свыкся с ролью тени — человека, который вырастил чужого сына как своего, ни разу не назвав себя отцом, потому что отец у мальчика был. Просто не мог быть рядом.

Он не жалел об этих годах — хотя иногда, поздними вечерами, позволял себе подумать, что для самого Алена он так и останется загадкой: не совсем родным, не совсем чужим, человеком без чёткого места в его жизни.

За этой тихой преданностью стояла история, о которой не знал никто, — старая, давно похороненная под годами молчания. Но не пришло ещё время для неё.

«Может быть, когда-нибудь я скажу ему правду сам, — подумал он. — А может, это сделает кто-то другой. Не важно, кто произнесёт слова. Важно, чтобы он наконец узнал: рядом с ним всегда был кто-то, кто его любил».

Он ещё не знал, что в эту самую ночь его подопечный входит в дом, где решится судьба всей семьи.

И что очень скоро наступит момент, когда прятать правду станет уже некому и не от кого.

Глава 71. Знак Николь

Николь воспринимала дома не так, как другие люди.

Для неё они состояли не только из комнат, лестниц и коридоров. Она замечала линии, расстояния, свет, падающий из окон, и едва различимые изменения в расположении стен. Там, где другой человек видел тёмный проход, Николь запоминала его длину, количество дверей и направление, в котором исчезали шаги.

Дом Жака в Дели она начала рисовать почти сразу после приезда.

Сначала просто потому, что он казался ей странным. Его внутреннее устройство не совпадало с тем, что можно было представить, глядя на здание снаружи. Некоторые комнаты были слишком маленькими, хотя стены между ними казались необычайно толстыми. Один из коридоров внезапно обрывался глухой стеной, за которой по вечерам слышались шаги. Слуги иногда появлялись там, откуда, по мнению Николь, не было никакого прохода.

Она никому не рассказывала об этих наблюдениях.

За годы жизни рядом с Жаком Николь привыкла прятать то, что было ей дорого. Рисунки он считал бесполезной забавой, музыку — приятным украшением вечера, а её молчание принимал за отсутствие мыслей.

Он ошибался.

Николь часто не успевала сказать то, что хотела: слова путались, исчезали, уступали место смущению. Но рука никогда её не подводила.

На бумаге всё становилось ясным.

Сейчас она сидела в запертой комнате и держала на коленях небольшой альбом. Карандаш двигался медленно, но уверенно.

От её двери до лестницы было семнадцать шагов.

Потом поворот направо.

Узкая галерея с тремя окнами.

За ней — западное крыло, куда в последние дни никого из слуг не пускали без разрешения Жака.

Николь провела ещё одну линию и остановилась.

Она вспомнила, как утром горничная принесла ей воду. Девушка вошла через обычную дверь, но позже Николь видела её уже в другом конце коридора. Пройти туда так быстро по главной лестнице она не могла.

Значит, существовал ещё один путь.

Николь подняла голову.

В комнате было тихо. Только лёгкая занавеска возле дальней стены едва заметно колыхалась, хотя окно оставалось закрытым.

Она подошла ближе.

Провела ладонью по стене.

Из узкой щели между деревянными панелями тянуло прохладой.

Николь уже собиралась внимательнее осмотреть резную раму, когда в коридоре послышались шаги. Она быстро вернулась к креслу и закрыла рисунок другим листом.

В замке повернулся ключ.

Вошёл Жак.

Он был одет так, словно собирался принимать гостей. Безупречно завязанный шейный платок, тёмный сюртук, ни одной лишней складки. Только напряжённое лицо выдавало, что сегодняшний вечер отличался от всех предыдущих.

Жак остановился напротив неё.

— Чем ты занимаешься?

— Рисую.

— Покажи.

Николь сильнее прижала альбом к коленям.

Раньше одного его взгляда было достаточно, чтобы она подчинилась. Но сейчас её пальцы не разжались.

— Это всего лишь мои рисунки.

— Именно поэтому я хочу их увидеть.

Жак протянул руку.

Николь медленно открыла альбом на другой странице. Там была нарисована птица, сидевшая на ветке баяна. Жак равнодушно посмотрел на неё, перелистнул ещё несколько листов — река, женское лицо, глиняная чашка, оставленная на подоконнике.

Плана дома среди них не было.

Николь успела спрятать его под подкладку платья.

— Бесплезная привычка, — произнёс Жак, возвращая альбом.

— Не всё полезное выглядит важным.

Он внимательно посмотрел на неё.

Раньше Николь никогда не отвечала ему так. Она сразу пожалела о своих словах, но заставила себя не опускать глаз.

— Ты изменилась, — сказал Жак.

— Возможно.

— Это Аллегра научила тебя дерзить?

Имя сестры отозвалось болью.

— Аллегра учила меня говорить правду.

На лице Жака появилась холодная улыбка.

— Твоя сестра всегда была слишком уверена, что знает правду лучше остальных.

— Она знала правду о тебе.

Улыбка исчезла.

Жак сделал шаг к Николь.

— Осторожнее.

Ей стало страшно. По-настоящему страшно. Но впервые страх не заставил её замолчать.

— Зачем ты привёз меня сюда?

— Мы уже говорили об этом.

— Нет. Ты говорил, а я слушала.

Жак слегка нахмурился.

— И что же ты хочешь услышать теперь?

Николь встала.

Ноги дрожали, поэтому ей пришлось опереться рукой о стол. Она ненавидела эту слабость, но ещё сильнее ненавидела мысль о том, что снова позволит страху решить всё за неё.

— Я хочу знать, кого ты ждёшь.

Жак едва заметно повернул голову в сторону окна.

Этого короткого движения оказалось достаточно.

— Кто-то должен приехать, — продолжила Николь. — Поэтому в доме появились вооружённые люди. Поэтому ты приказал закрыть восточную галерею. И поэтому возле старых ворот с утра стоит экипаж.

Он медленно приблизился.

— Ты слишком много замечаешь.

— Я всегда замечала. Просто раньше ничего не говорила.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга.

Николь видела перед собой человека, за которого когда-то согласилась выйти замуж, потому что не сумела произнести одно короткое слово. Тогда ей казалось, что молчание избавит её от необходимости делать выбор.

Теперь она знала: молчание тоже было выбором. Только сделанным не ею.

— Здесь будет Аллегра? — спросила она.

Жак не ответил.

— Ален?

Его лицо осталось неподвижным, но пальцы сжались вокруг набалдашника трости.

Николь поняла.

— Ты приготовил для них ловушку.

— Тебя это не касается.

— Она моя сестра.

— А ты моя жена.

Он произнёс это так, словно одного этого было достаточно, чтобы лишить её права задавать вопросы.

Николь побледнела, однако взгляда не отвела.

— Когда-то я не смогла сказать тебе «нет».

В комнате стало тихо.

— Что ты сказала?

— Ты услышал.

Жак шагнул к ней, но за дверью раздался торопливый стук.

— Господин, они уже близко.

Он остановился.

— Сколько времени?

— Меньше четверти часа.

Жак обернулся к двери.

— Заприте все выходы из западного крыла. Никого не выпускать. Если появятся люди Эдмунда, ждите моего приказа.

— А восточное крыло?

— Там всё готово.

Николь почувствовала запах масла, исходивший от одежды человека в коридоре.

Жак собирался устроить пожар.

Перед тем как выйти, он посмотрел на жену.

— Не пытайся покинуть комнату. Здесь ты будешь в безопасности.

Николь взглянула на запертую дверь.

— Так всегда говорят человеку, которого оставляют в клетке.

Жак задержался на пороге. В его глазах промелькнуло раздражение, смешанное с удивлением.

Но времени на неё у него уже не было.

Дверь закрылась.

Ключ повернулся в замке.

Николь подождала, пока шаги стихнут, и быстро достала спрятанный лист.

Теперь она знала гораздо больше.

На плане появились восточное крыло, старые ворота и экипаж. Возле галереи она нарисовала маленькое пламя.

Затем вернулась к деревянной панели.

Прохладный воздух всё ещё проникал через щель. Николь внимательно рассмотрела резной узор. Среди переплетённых листьев находился небольшой деревянный цветок, отличавшийся от остальных. Его края были стёрты, словно к нему часто прикасались.

Она надавила.

Внутри стены что-то тихо щёлкнуло.

Панель приоткрылась.

За ней находился узкий проход.

Николь взяла свечу и шагнула внутрь. Пространства едва хватало, чтобы идти, не задевая плечами стены. Пахло сыростью, пылью и старым деревом.

Она двигалась медленно, считая шаги.

Через несколько метров проход разделился. Одна ветвь уходила в сторону западного крыла, другая — вниз. Из глубины доносились голоса.

— Экипаж должен ждать у часовни.

— А если хозяину придётся уходить?

— Тогда он воспользуется нижним ходом.

Николь замерла.

Значит, Жак заранее подготовил путь для бегства.

Она опустилась на колени, поставила свечу на каменный выступ и добавила к плану ещё одну линию. Нижний ход уходил к старым воротам, а оттуда, судя по услышанному, можно было добраться до часовни.

Впереди показалась железная решётка.

За ней находился коридор.

Николь осторожно приблизилась. В этот момент на другой стороне мелькнула человеческая тень.

Она отступила, едва не погасив свечу.

Незнакомец тоже остановился.

— Кто здесь? — тихо спросил он.

Николь не ответила.

— Я не служу Жаку, — добавил мужчина. — Меня прислали найти хозяйку этого дома.

— Николь?

— Да.

Она подошла к решётке.

— Я Николь.

Мужчина приблизился. В полумраке она различила оружие у него за поясом.

— Я выведу вас.

— Решётка заперта.

Он осмотрел замок.

— Я найду ключ.

— Сначала возьмите это.

Николь протянула через прутья сложенный лист.

— Что здесь?

— Дом. Все проходы, которые я успела запомнить. Жак собирается поджечь восточное крыло. А нижний ход ведёт к экипажу у старых ворот.

Незнакомец развернул рисунок.

— Вы уверены?

— Да.

— Откуда вы знаете?

— Я нарисовала.

Он посмотрел на неё с недоверием.

— Передайте план Шарлю, — продолжила Николь. — И покажите Аллегре.

— Почему именно ей?

Николь взяла карандаш и в нижнем углу листа нарисовала маленькую птицу с раскрытыми крыльями.

В детстве, когда они с Аллегрой играли в саду, Николь оставляла таких птиц на камнях и древесной коре. Это означало: «Я была здесь. Иди за мной».

Сестра всегда находила её.

— Аллегра поймёт, что рисунок мой.

Мужчина спрятал план под одежду.

— Ждите здесь. Я вернусь.

— Нет. Если Жак обнаружит, что меня нет в комнате, он изменит свои намерения. Я вернусь туда.

— Это опасно.

Николь посмотрела в тёмный проход.

— Опаснее позволить ему думать, что мы ничего не знаем.

Она развернулась и пошла обратно.

Возле каждого поворота Николь оставляла на стене маленькую птицу. Одну за другой. Почти невидимые в полумраке, они должны были показать дорогу тем, кто придёт за ней.

Добравшись до комнаты, она закрыла панель и вернула кресло на прежнее место.

Потом села и положила альбом на колени.

Снаружи послышался шум подъехавшего экипажа.

Мужские голоса.

Торопливые шаги слуг.

И вдруг среди них Николь услышала женский голос.

Сердце замерло.

Она подошла к стене и прижала к ней ладонь.

— Аллегра... — прошептала Николь.

Сестра была совсем близко.

Николь взяла карандаш и нарисовала на светлой деревянной панели ещё одну птицу — самую большую, с широко раскрытыми крыльями.

Теперь она больше не ждала, когда её найдут.

Она сама показывала дорогу.

Где-то в другом конце дома тяжёлая дверь захлопнулась.

Глава 72. Голос из прошлого

Дверь захлопнулась за ними.

Ален сразу обернулся и дёрнул ручку.

Заперто.

Аллегра подошла к окну.

— Здесь решётка.

— Я вижу.

Он оглядел комнату. Старая мебель. Пыльные картины. Тяжёлые портьеры.

И вдруг его взгляд остановился на стене. На портрете.

Ален замер.

Перед ним был мужчина. Высокий, темноволосый, с тем же аристократическим профилем, теми же глазами.

Сердце Алена забилось так сильно, что ему стало трудно дышать.

— Аллегра...

Она подошла.

— Что?

Он указал на портрет.

— Я знаю этого человека.

— Это Эдмунд.

Ален провёл ладонью по лицу.

— Я видел его.

— Где?

— Во сне.

Он подошёл ближе. Портрет словно притягивал его.

И вдруг в памяти вспыхнуло:

маленький мальчик бежит по коридору.

Слышен смех.

Мужчина поднимает его на руки.

— Не бойся, Ален.

Мальчик смеётся.

Потом всё меняется.

Крик.

Разбитое окно.

Огонь.

Маленькая девочка плачет.

И голос:

— Найди её.

Ален отшатнулся.

Аллегра схватила его за плечи.

— Что ты увидел?

— Девочку.

— Аврору?

Он посмотрел на неё.

— Не знаю.

* * *

В коридоре слышались шаги.

Дверь открылась.

Вошёл Жак.

На его лице была спокойная улыбка.

— Наконец-то мы встретились.

Ален повернулся к нему.

— Где Николь?

— В безопасности.

— А Аврора?

На мгновение Жак замер. Но тут же улыбнулся.

— Почему тебя интересует именно она?

— Потому что я её ищу.

— Зачем?

Ален посмотрел ему прямо в глаза.

— Не знаю.

Жак медленно приблизился.

— Вот это интересно.

Он поднял руку. На пальце блеснул перстень.

Ален увидел его. И в ту же секунду в голове вспыхнула ещё одна картина.

Отец.

Перстень.

Дверь.

Маленькая девочка.

И голос Изабеллы:

— Никому его не отдавай.

Ален пошатнулся.

Жак заметил это.

— Значит, ты всё-таки помнишь.

Он улыбнулся.

— Теперь я знаю, что нужно делать.

* * *

Снаружи послышался шум.

Жак нахмурился.

— Что это?

Один из его людей вбежал в комнату, задыхаясь.

— Господин...

— Говори.

— К дому приближаются люди.

— Сколько?

— Много.

Жак подошёл к окну.

И увидел всадников. Во главе отряда ехал мужчина, чья осанка показалась Жаку смутно, тревожно знакомой ещё до того, как он различил лицо.

Он всмотрелся.

И побледнел так, что на мгновение показался старше своих лет.

— Нет...

Ален услышал эти слова.

— Что случилось?

Жак не ответил. Он смотрел только на человека, приближавшегося к дому, — и в его молчании было больше страха, чем в любом крике.

Эдмунд.

Тот самый человек, которого Жак столько лет считал похороненным под тоннами камня. Жак резко повернулся к своему человеку.

— Подожги восточное крыло. Только там. Нам нужен дым — не пожар.

— Господин, но...

— Живо!

Через минуту где-то в глубине дома треснуло дерево, и по коридору потянуло гарью — едкой, тревожной, но не той всепоглощающей стеной огня, что однажды уже унесла у этой семьи всё. Лёгкий, серый дым скользнул под дверью, царапая горло.

* * *

Дверь распахнулась.

— Ален!

Он замер.

Этот голос.

Он уже слышал его. Не один раз. Не во сне. В детстве — там, где голос ещё не был воспоминанием, а был самой жизнью.

Ален медленно повернулся.

На пороге, в клубах дыма, стоял мужчина.

Их взгляды встретились — и в это мгновение весь мир для обоих сузился до одной точки.

Эдмунд смотрел на сына. На лице его было всё сразу: страх, что перед ним чужой человек; боль оттого, что этот человек всё же настоящий; и то почти невыносимое счастье, которое приходит слишком поздно, чтобы называться просто радостью.

Ален сделал шаг. Голос дрогнул, хотя он пытался говорить твёрдо.

— Я знаю вас...

Эдмунд не двигался. Он будто боялся, что любое движение развеет то, что происходит сейчас, как сон.

— Ты должен был забыть меня.

Ален нахмурился, и в его глазах впервые за весь разговор блеснули слёзы, которые он не позволял себе прежде.

— Я забыл ваше лицо.

Он сделал ещё шаг — уже почти вплотную.

— Но не ваш голос.

Эдмунд закрыл глаза. На мгновение перед ним снова был маленький мальчик, которого он когда-то держал на руках в доме с попугаем и мраморным полом — и вся пропасть между тем мальчиком и этим взрослым мужчиной вдруг схлопнулась в одно короткое, невозможное мгновение.

Он протянул руки.

— Ален...

И сын наконец позволил себе сделать то, чего ждал всю жизнь, сам того не зная.

Он шагнул в объятия отца.

Эдмунд обнял его — крепко, почти отчаянно, будто боялся, что если разожмёт руки хоть на секунду, судьба снова их разлучит.

Аллегра стояла рядом, не сдерживая слёз, прижав ладони ко рту.

* * *

Жак смотрел на них из глубины коридора, сквозь наползающий дым.

И впервые за много лет по-настоящему понял: он проиграл — не сражение, а нечто гораздо большее. Всё, ради чего он жил все эти годы, только что обнялось перед ним и не заметило его существования.

Но затем его взгляд упал на собственную руку — на перстень.

И в глазах, ещё секунду назад полных отчаяния, снова вспыхнула прежняя, неистребимая одержимость.

Эдмунд, не разжимая объятий с сыном, вдруг ощутил на себе этот взгляд — и медленно повернул голову.

Их глаза встретились через дым, через годы, через всё, что между ними случилось.

— Жак, — произнёс Эдмунд тихо, но так, что это единственное слово прозвучало как приговор.

Жак не ответил.

Он лишь коротко, почти издевательски поклонился — жест человека, который проиграл партию, но ещё не сложил оружие, — и растворился в дыму коридора.

Потому что теперь у него оставалась последняя цель.

Тайна старого поместья.

Глава 73. Дом в огне

Жак исчез в дыму.

Ален рванулся следом, но Эдмунд удержал его за плечо.

— Стой.

— Он уйдёт!

— Именно этого он и хочет. Чтобы ты бросился за ним, не видя дороги.

Из глубины коридора донёсся треск.

На этот раз загорелось не только дерево. Вспыхнула пропитанная маслом портьера, огонь взметнулся к потолку и мгновенно перебрался на сухую обшивку стены.

Дым стал густым и чёрным.

Аллегра закашлялась.

Эдмунд сорвал со стола тяжёлое покрывало и набросил ей на плечи.

— Закрой лицо.

— Николь всё ещё здесь.

— Мы найдём её.

— Я найду, — твёрдо сказала Аллегра.

В комнату вбежали двое людей Эдмунда. Один держал оружие, другой прижимал к виску окровавленную ладонь.

— Восточное крыло горит. Люди Жака заперли внутренние двери.

— Выходы?

— Главный под охраной. Двор тоже. Но в доме есть ходы, которых мы не видим.

— Я знаю, — раздался голос из коридора.

Появился человек, которого Эдмунд прежде послал за Николь. Его одежда была покрыта пылью, а в руке он держал сложенный лист.

— Она передала это.

Он развернул бумагу на столе.

Ален увидел линии комнат, лестниц и узких проходов внутри стен. Возле восточной галереи было нарисовано маленькое пламя. От западного крыла вниз уходила ещё одна линия — к старым воротам и часовне.

В нижнем углу виднелась птица с раскрытыми крыльями.

Аллегра коснулась рисунка кончиками пальцев.

— Это Николь.

— Ты уверена? — спросил Ален.

— В детстве она оставляла мне таких птиц, когда хотела, чтобы я пошла за ней.

Аллегра подняла глаза.

— Она показывает нам дорогу.

Эдмунд быстро изучил план.

— Нижний ход ведёт наружу.

— Жак уже там, — сказал Ален.

— Возможно.

Эдмунд повернулся к своим людям.

— Двое — к часовне. Ещё двое обойдите старые ворота. Никого не выпускать. Остальные остаются в доме. Сначала выведите всех, кто заперт.

— А Жак? — спросил Ален.

Эдмунд посмотрел на сына.

— Живые важнее человека, который всю жизнь несёт смерть.

Эти слова заставили Алена остановиться.

Он взглянул на Аллегру.

Она уже шла к двери.

— Куда ты?

— За птицами.

* * *

Коридор почти исчез в дыму.

Аллегра двигалась, держась ладонью за стену. Ален шёл впереди, отбрасывая ногой обломки дерева. Эдмунд и двое его людей прикрывали их сзади.

У первого поворота Аллегра остановилась.

На светлой панели, едва различимая под слоем копоти, была нарисована маленькая птица.

— Здесь.

Они свернули направо.

Вторая птица ждала их возле узкой лестницы.

Третья — у глухой стены.

Ален провёл по деревянной обшивке рукой.

— Прохода нет.

— Есть, — ответила Аллегра. — Иначе Николь не оставила бы знак.

Она стала осматривать резной узор. Пальцы скользили по листьям и цветам, пока не нашли маленький деревянный бутон со стёртыми краями.

Аллегра надавила.

Панель дрогнула и медленно отошла от стены.

Из темноты пахнуло сыростью.

— Я пойду первой, — сказала она.

— Нет, — одновременно произнесли Ален и Эдмунд.

Несмотря на страх, Аллегра почти улыбнулась.

— Вы удивительно похожи.

Эдмунд впервые посмотрел на неё не как на спутницу сына, а как на человека, который давно стал частью его семьи.

— Именно поэтому мы оба знаем, что сейчас ты останешься между нами.

Ален взял лампу у одного из людей.

— Я впереди. Отец сзади.

Слово вырвалось само.

Эдмунд замер лишь на мгновение.

Потом тихо ответил:

— Идём.

* * *

Внутри стены дым был не таким густым, но дышать всё равно становилось трудно.

Проход оказался настолько узким, что плечи задевали камень. На каждом повороте Аллегра находила новую птицу. Иногда рисунок был сделан на стене, иногда — на деревянной балке, иногда — прямо на слое пыли.

Николь не оставляла им времени сомневаться.

У развилки они услышали кашель.

— Николь! — крикнула Аллегра.

Сначала никто не ответил.

Потом впереди показался слабый свет.

— Аллегра?

Она узнала голос сестры и бросилась вперёд.

Николь вышла им навстречу, держа в одной руке свечу, а другой прикрывая рот. Лицо её было бледным, волосы выбились из причёски, на платье темнели следы пыли.

Аллегра обняла её так крепко, что свеча едва не выпала.

— Я знала, что ты поймёшь.

— Я всегда находила твоих птиц.

Николь закрыла глаза.

Всего на секунду она снова стала девочкой, которая пряталась в саду и ждала шагов старшей сестры.

Но дом содрогнулся от нового удара, и с потолка посыпалась пыль.

Николь отстранилась первой.

— Здесь нельзя оставаться.

— Ты знаешь другой выход? — спросил Ален.

Она кивнула и указала на правый проход.

— Он ведёт в западную галерею. Там заперты люди. Другой спускается вниз, к старым воротам. Жак подготовил там экипаж.

— Мы уже послали людей к часовне, — сказал Эдмунд.

Николь посмотрела на него.

Она никогда прежде не видела этого человека, но сразу поняла, кто он. Не по лицу и не по голосу. По тому, как рядом с ним стоял Ален.

— Вы Эдмунд.

— Да.

— Жак боялся, что вы придёте.

— Недостаточно боялся.

Николь протянула ему свечу.

— Внизу есть ещё одна развилка. Я не успела пройти её до конца.

Эдмунд взглянул на тёмный спуск.

Ален сразу понял его намерение.

— Я иду с вами.

— Нет, — сказала Николь.

Они оба посмотрели на неё.

Раньше от такого внимания она растерялась бы. Сейчас только крепче сжала карандаш, который всё ещё держала в пальцах.

— В западном крыле Аврора.

Имя заставило Алена забыть о Жаке.

— Ты видела её?

— Нет. Но слышала людей Жака. Они говорили, что её нельзя выпускать из галереи.

— Где галерея?

— Идите за мной.

Николь повернула налево.

На этот раз никто с ней не спорил.

* * *

В западном крыле огня ещё не было, но дым уже проникал под двери.

Николь открыла потайную панель, и они вышли в длинный коридор.

В ту же секунду из-за угла появился человек Жака.

Он вскинул оружие.

Эдмунд оказался быстрее.

Раздался выстрел.

Пуля ударила в стену рядом с Аленом. Один из людей Эдмунда сбил нападавшего с ног, прежде чем тот успел выстрелить снова.

— Где Аврора? — спросил Ален.

Мужчина усмехнулся, хотя по его виску текла кровь.

— Спросите хозяина.

Эдмунд шагнул к нему.

— У этого дома больше нет хозяина по имени Жак.

Человек впервые перестал улыбаться.

Из-за дальней двери донёсся удар.

Потом ещё один.

— Здесь! — крикнул женский голос.

Ален бросился к двери.

Она была заперта снаружи на тяжёлый засов. Он откинул его и распахнул створку.

В комнате стоял Шарль.

Рукав его рубашки был разорван, на скуле темнела кровь. Одной рукой он поддерживал Аврору.

— Я нашёл её в западном коридоре, — сказал он, не дожидаясь вопроса. — Потом люди Жака загнали нас сюда.

Она была бледна, но держалась прямо.

Увидев Алена, Аврора замерла.

Он тоже остановился.

Между ними снова промелькнуло что-то давнее — не любовь, которой они когда-то ошибочно называли свою близость, а память крови, ещё не получившая имени.

— Ты жива, — произнёс Ален.

— Пока да.

Шарль посмотрел в коридор.

— Нам нужно уходить. Потолок в соседней комнате уже горит.

Он повернулся к Авроре.

— Ты можешь идти?

— Если ты перестанешь держать меня так, будто я сейчас рассыплюсь.

Шарль не отпустил её.

— Не могу.

Аврора хотела возразить, но впервые за долгое время в её взгляде появилось тепло. Николь подошла ближе.

— За этой стеной есть проход. Он выведет нас к центральной лестнице.

— Откуда ты знаешь? — спросил Шарль.

— Я нарисовала дом.

Он посмотрел на неё с удивлением, затем коротко поклонился.

— Тогда сегодня мы все обязаны вашему рисунку жизнью.

Николь опустила глаза, но не от смущения.

Она прислушивалась.

За стеной быстро приближался низкий гул.

— Назад! — крикнула она.

Все отступили в комнату.

В следующую секунду часть потолка рухнула в коридор. Горящие балки перегородили путь, по которому они только что пришли.

Пламя взметнулось до самого карниза.

Они оказались отрезаны.

* * *

Несколько мгновений никто не говорил.

Огонь шумел за дверью, словно живое существо, которое уже знало, где они находятся.

Ален подбежал к окну.

Внизу был внутренний двор.

— Второй этаж. Можно спуститься по портьерам.

— Аврора не сможет, — сказал Шарль.

— Я смогу.

— Нет.

— Перестань решать за меня.

Николь тем временем подошла к книжному шкафу.

— Помогите отодвинуть.

Ален и Шарль взяли за тяжёлое дерево. За шкафом обнаружилась узкая дверь.

— Ещё один ход? — спросил Ален.

— Нет. Старая лестница для слуг. На плане она была короче.

— Куда ведёт?

— Во внутренний двор, рядом с колодцем.

Шарль распахнул дверь.

В лицо ударил горячий воздух, но дыма там почти не было.

— Я пойду первым.

Он не отпустил руки Авроры, пока не убедился, что ступени выдержат.

Николь пропустила Аллегру вперёд.

— А ты? — спросила та.

— Я за тобой.

— Обещай.

Николь посмотрела сестре в глаза.

— На этот раз я не останусь.

* * *

Они вышли во двор возле каменного колодца.

Там уже были люди Эдмунда. Одни выносили раненых, другие передавали по цепочке ведра. Несколько слуг Жака, ещё недавно запертых в комнатах, теперь помогали тушить дом, не дожидаясь приказа.

Огонь добрался до старой галереи.

За окнами метались красные отблески.

Эдмунд посмотрел на крышу.

— Если загорится центральная балка, всё крыло рухнет.

Николь быстро оглядела двор.

— В кладовой за кухней есть ещё две большие бочки с водой.

— Откуда ты знаешь?

— Слуги каждый вечер ходили туда одним и тем же путём.

Эдмунд указал троим мужчинам на боковую дверь.

— За ней.

Николь остановила их.

— Не через кухню. Там деревянная лестница. Обойдите через прачечную — стена каменная.

Люди изменили направление.

Через несколько минут во двор выкатили бочки.

Воды хватило, чтобы не дать огню перейти на центральную часть дома.

Аллегра смотрела на сестру.

Николь говорила спокойно, показывала проходы, считала двери и окна. Никто больше не принимал её молчание за отсутствие мыслей.

И сама она больше не собиралась позволять кому-либо так думать.

* * *

У входа появился один из людей Эдмунда.

— У часовни никого. Экипаж ушёл раньше, чем мы добрались до ворот.

— А нижний ход? — спросил Ален.

— Выход найден. Дверь открыта изнутри.

Эдмунд посмотрел на горящий дом.

— Значит, Жак хочет, чтобы мы думали, будто он уже выбрался.

Ален сжал кулаки.

— Или он уходит другим путём.

— Нет, — ответил Эдмунд. — Теперь мы знаем, куда он пойдёт.

— К старому поместью.

— К перстню и тайне, которую он считает своей.

Ален хотел немедленно броситься к лошадям, но из галереи донёсся крик.

Под обрушившейся балкой оставались люди.

Эдмунд первым шагнул обратно в дым.

Ален пошёл за ним.

На этот раз не как человек, ищущий ответы.

Как сын рядом с отцом.

* * *

Пожар отступал медленно.

Шарль вывел Аврору в центральный зал и усадил на скамью возле стены.

— Останься здесь.

— Я могу помочь.

— Ты уже помогла тем, что осталась жива.

— Шарль...

Он опустился перед ней на колени.

— Я искал тебя слишком долго. Позволь мне хотя бы несколько минут знать, где ты находишься.

Аврора коснулась его лица там, где на скуле засохла кровь.

— Хорошо. Несколько минут.

Из соседней комнаты позвали Шарля. Двое мужчин не могли поднять раненого.

Он обернулся.

Потом снова посмотрел на Аврору.

— Я рядом.

— Я знаю.

Шарль ушёл всего на несколько шагов.

Аврора осталась у стены.

Дым стелился по полу тонкими серыми полосами. За обгоревшей панелью что-то едва слышно щёлкнуло.

Аврора подняла голову.

Ей показалось, что из-за стены кто-то произнёс её имя.

Она встала.

В этот момент в дальнем конце зала рухнула тяжёлая рама, и все обернулись на грохот.

Никто не увидел, как резная панель за спиной Авроры приоткрылась.

Никто не заметил тень, скользнувшую из тайного прохода.

Когда последний язык пламени сбили мокрым покрывалом, в доме стало слышно только потрескивание обугленных балок.

Он ещё не затих.

Но самое страшное уже происходило без единого звука.

За старой галереей медленно закрылась узкая дверь.

Глава 74. Тайный ход

Рука, появившаяся из темноты, зажала Авроре рот.

Она успела увидеть только блеск перстня.

Жак дёрнул её к себе, и резная панель закрылась прежде, чем Аврора смогла позвать Шарля.

Грохот рухнувшей рамы остался по другую сторону стены.

В тайном проходе было почти темно. Слабый красный свет проникал через щели между панелями, и в нём лицо Жака казалось чужим.

— Ни звука, — прошептал он.

Аврора ударила его локтем.

Жак пошатнулся, но руки не разжал.

Она попыталась вырваться снова.

— Отпусти меня!

— Тише.

— Шарль рядом.

— Именно поэтому тебе не следует кричать.

Жак отвёл полу сюртука. В его руке был небольшой пистолет.

— Один выстрел сквозь панель, и он больше не придёт за тобой.

Аврора замерла.

За стеной слышались голоса. Кто-то звал воду. Кто-то пытался поднять раненого.

Голос Шарля прозвучал совсем близко.

— Я рядом.

Аврора закрыла глаза.

Жак наклонился к её уху.

— Сделай хотя бы один разумный выбор. Иди молча.

— Разумный выбор — это оставить тебя здесь гореть.

— Тогда сгорит и тот, кого ты любишь.

Она посмотрела на оружие.

— Ты не успеешь выстрелить.

— Хочешь проверить?

За стеной снова раздался треск. Шарль отошёл на несколько шагов, помогая вынести раненого.

Жак воспользовался мгновением и потянул Аврору в глубину прохода.

Она сопротивлялась, цеплялась рукой за камень, но пол под ногами был скользким от пыли. Панель осталась позади.

Вместе с ней исчез последний отблеск огня.

* * *

Жак шёл быстро.

Он не зажигал свечу и почти не касался стен, словно мог пройти этот путь с закрытыми глазами.

Аврора едва различала его силуэт.

— Ты знал об этих ходах всё время.

— Я знаю об этом доме больше, чем люди, которые считают его своим.

— Он никогда не был твоим.

Жак резко остановился.

Аврора налетела на него.

— Осторожнее со словами.

— Почему? Правда причиняет тебе боль?

Он сжал её запястье.

— Эдмунд получил всё только потому, что родился раньше и носил нужное имя.

— А ты решил, что это даёт тебе право отнимать чужих детей?

Пальцы Жака дрогнули.

— Я дал тебе жизнь.

— Нет. Ты украл её у меня.

Несколько мгновений они стояли в темноте.

Аврора чувствовала его дыхание. Неровное, тяжёлое. В доме Жак ещё сохранял спокойствие, но теперь оно покидало его.

Впервые он не управлял событиями.

Он бежал.

И Аврора хотела, чтобы он знал: она это понимает.

— Ты проиграл, — произнесла она.

Жак потянул её дальше.

— Пока перстень у меня, игра не закончена.

— Перстень не сделает тебя Равелем.

— Посмотрим.

Проход начал спускаться.

Сверху доносился глухой шум пожара, но с каждым шагом он становился тише. Воздух был холодным и сырým. Под ногами появился камень.

Аврора старалась запомнить дорогу.

Сначала двенадцать ступеней.

Поворот налево.

Длинный прямой коридор.

Потом ещё одна лестница, ведущая вниз.

Она не знала, сумеет ли вернуться, но отказывалась идти как безвольная пленница.

Если Шарль последует за ней, ему понадобится знак.

На рукаве платья оставалась небольшая серебряная застёжка. Аврора незаметно расстегнула её и зажала между пальцами.

У следующего поворота она позволила застёжке упасть.

Металл едва слышно коснулся камня.

Жак обернулся.

— Что это было?

— Крыса.

Он прислушался.

Аврора тоже замерла.

Где-то за стеной шумела вода.

— Под домом проходит старый канал? — спросила она.

Жак посмотрел на неё с подозрением.

— Зачем тебе это знать?

— Я пытаюсь понять, куда ты меня ведёшь.

— Скоро увидишь.

Он снова двинулся вперёд.

Серебряная застёжка осталась лежать у стены.

* * *

Коридор разделился надвое.

Правый проход уходил вниз. Издалека в нём мерцал слабый свет.

Левый казался тупиком.

Жак направился вправо, но почти сразу остановился.

Впереди слышались мужские голоса.

— Осмотрите выход у часовни.

— Здесь дверь!

Люди Эдмунда уже нашли нижний ход.

Аврора набрала воздуха.

Жак мгновенно прижал ствол пистолета к её боку.

— Только попробуй.

Она медленно выдохнула.

— Тебе некуда идти.

— Ты по-прежнему слишком мало обо мне знаешь.

Жак отступил к глухой стене левого прохода. Провёл ладонью по камню, нащупывая что-то между неровными плитами.

Раздался тихий щелчок.

Часть стены сдвинулась.

За ней открылась ещё одна лестница.

На плане Николь этого прохода не было.

Жак усмехнулся.

— Любой человек, который готовит путь для бегства, должен приготовить два пути.

— Значит, пожар ты тоже готовил заранее.

— Мне нужен был дым.

— Но дом загорелся.

— Старое дерево слишком легко принимает огонь.

Он говорил о доме так, словно тот сам был виноват в пожаре.

Аврора почувствовала холод.

— Там остались люди.

— Люди всегда где-нибудь остаются.

— Николь тоже была там.

— Она сделала свой выбор.

Аврора резко повернулась к нему.

— Нет. Свой выбор сделал ты. За неё. За меня. За всех.

Жак подтолкнул её к лестнице.

— Иди.

— Больше не получится.

— Что именно?

— Решать, кем мы должны быть.

Он ничего не ответил.

Только сильнее сжал оружие.

* * *

Новая лестница оказалась ещё уже прежней.

Аврора шла первой. Жак держался позади, не позволяя ей остановиться.

Теперь она видела впереди тонкую полоску света.

Выход был близко.

Аврора провела рукой по стене. Камень был мягким от сырости. На одном участке под пальцами осыпалась старая известь.

Она вспомнила булавку, которой открыла замок своей комнаты.

Булавка всё ещё была спрятана в складке платья.

Аврора достала её и, заслонив движение телом, провела по стене короткую линию.

Потом вторую.

Стрелка.

Шарль знал, что она не оставила бы такой знак случайно.

— Быстрее, — приказал Жак.

Аврора спрянула булавку.

— Ты боишься, что они догонят нас?

— Они пойдут туда, куда я позволю им пойти.

— Так ты говорил и раньше.

Жак схватил её за плечо и развернул к себе.

— Ты нужна мне живой. Не заставляй сожалеть об этом.

— Зачем я тебе?

— Ты знаешь зачем.

— Из-за склепа?

Он промолчал.

Аврора поняла, что угадала.

— Ты не знаешь, что там находится.

— Знаю достаточно.

— Тогда почему тебе нужна я?

— Потому что некоторые двери открываются не только ключом.

Его пальцы коснулись перстня.

— Нужна кровь рода Равель.

— У тебя её нет.

— Зато есть у тебя.

Аврора смотрела на него, чувствуя, как внутри поднимается страх.

Жак мог ошибаться. Мог верить в старую легенду, которой никогда не существовало. Но ради этой веры он был способен на всё.

— Ален тоже Равель.

— И он придёт сам.

— Ты уверен?

— Он всегда идёт за теми, кого считает своей семьёй.

— Тогда ты ведёшь его прямо к себе.

Жак улыбнулся.

— Именно этого я и хочу.

* * *

Лестница закончилась возле низкой деревянной двери.

Жак достал ключ.

За дверью находилось небольшое помещение без окон. На полу лежал дорожный плащ, рядом стояли фонарь и закрытый сундук.

Всё было приготовлено заранее.

Аврора огляделась.

— Ты знал, что придётся бежать.

— Я знал, что однажды могу понадобиться самому себе больше, чем другим.

Он накинул плащ и спрятал под ним оружие.

Потом достал из сундука тёмную накидку и протянул Авроре.

— Надень.

— Нет.

— Снаружи мои люди. Они не станут спрашивать, почему ты идёшь против воли.

Аврора взяла накидку.

— Они служат тебе из страха.

— Страх надёжнее любви.

— Поэтому рядом с тобой никого не осталось.
Жак отвернулся, но она заметила, как напряглось его лицо.
Из-за двери донёлся стук колёс.
Экипаж ждал.
Жак погасил фонарь.

В темноте перстень на его руке на мгновение блеснул красным — отражением огня, всё ещё бушевавшего далеко позади.

— Пора.
Он открыл наружную дверь.
В помещение ворвался ночной воздух.
Аврора сделала шаг и остановилась на пороге.
Где-то за стенами, за дымом и огнём, оставался Шарль.
На каменном полу тайного прохода лежала серебряная застёжка.
На стене была нацарапана стрелка.
Аврора не знала, найдут ли их.
Но на этот раз она не исчезала бесследно.

Глава 75. То, что ещё предстоит вспомнить

Дом постепенно затихал.

Люди Эдмунда проверяли комнаты, выводили оставшихся людей Жака и тушили огонь, который уже успел перекинуться на старую галерею.

Ален стоял у окна.

Он всё ещё не мог привыкнуть к мысли, что мужчина, которого он столько лет считал погибшим, находится совсем рядом.

Эдмунд вошёл в комнату один.

Некоторое время они молчали.

Отец смотрел на сына, словно боялся отвести взгляд.

— Ты очень изменился.

Ален усмехнулся.

— Я вас совсем не помню.

Эдмунд опустил глаза.

— Я знаю.

— Мне было четыре или пять лет?

— Почти пять.

— А Авроре?

Эдмунд замер.

— Два.

Это имя прозвучало между ними неожиданно.

Ален почувствовал знакомое беспокойство.

— Я всё время вижу девочку.

Эдмунд медленно поднял глаза.

— Что ты видишь?

— Её руку в моей руке.

Пауза.

— Она плачет.

Эдмунд отвернулся.

— Почему вы молчите?

— Потому что некоторые воспоминания лучше возвращать постепенно.

— Почему?

— Потому что память иногда защищает нас от того, что мы ещё не готовы принять.

Ален внимательно посмотрел на него.

— Вы знали, что я жив?

— Да.

— Всё это время?

— Не всё.

— А мама?

Эдмунд тяжело вздохнул.

— Она жива.

Ален замер.

— Где?

— Скоро ты узнаешь.

Он подошёл к сыну и положил руку ему на плечо.

— Но сначала мы должны закончить то, что начал Жак.

Ален посмотрел на него.

— Перстень?

Эдмунд кивнул.

— Перстень.

* * *

В соседней комнате Аллегра разговаривала с Николь.

Они наконец были вместе.

Сёстры долго смотрели друг на друга, словно всё ещё не верили, что обе живы.

— Я уже не верила, что мы снова встретимся, — прошептала Аллегра.

Николь улыбнулась сквозь слёзы.

— Я тоже.

Но затем её лицо стало серьёзным.

— Аллегра...

— Что?

— Аврора.

Аллегра нахмурилась.

— Что с ней?

— Она исчезла.

* * *

Ален вошёл в комнату.

— Что случилось?

Николь поднялась.

— Мы не знаем.

— Как это произошло?

— Она была вместе с Шарлем.

Ален почувствовал холод.

— Где они?

— Шарль здесь.

— А Аврора?

Николь покачала головой.

— Её нигде нет.

Ален посмотрел на отца.

Эдмунд сразу понял.

— Жак.

* * *

Но Жак уже покинул дом.

Он ехал по ночному городу, крепко сжимая перстень.

Рядом сидела Аврора. Она была жива. И это было главное.

Жак похитил её снова не случайно.

Он направлялся туда, где, как он теперь верил, находился последний ответ.

К старому семейному склепу.

Аврора смотрела на него.

— Ты думаешь, что найдёшь там тайну?

— Я уверен.

— А если нет?

Жак улыбнулся.

— Тогда будем искать дальше.

— Ты никогда не остановишься?

Он посмотрел на неё.

— Нет.

Аврора отвернулась к окну.

Она уже знала, что Жак боится одного.

Не Алена.

Не Эдмунда.

Он боялся того, что тайна окажется сильнее его.

И где-то глубоко внутри у неё появилась надежда.

Если Жак приведёт её к старому поместью...

возможно, именно там она наконец найдёт ответ на вопрос, который мучил её всю жизнь:
кто она на самом деле.

А впереди, в темноте, уже показались очертания старого кладбища.

Жак остановил экипаж.

И сжал перстень.

— Мы пришли.

Глава 76. По следу Жака

Пока экипаж Жака мчался по ночной дороге, Шарль стоял перед закрытой панелью и не мог заставить себя отойти.

— Она была здесь.

Он произнёс это уже в третий раз.

Ален осмотрел обгоревшую стену.

— Мы найдём её.

Шарль резко повернулся.

— Я оставил Аврору одну всего на несколько минут.

— Ты спасал раненого.

— А должен был остаться с ней.

— Тогда тот человек погиб бы.

— Но Аврора снова у Жака.

В голосе Шарля было столько ярости, обращённой на самого себя, что Ален не стал отвечать.

Эдмунд подошёл к панели.

— Обвинять себя будем позже. Сейчас нам нужно понять, как Жак вышел из дома.

Он провёл рукой по резному дереву.

— Пригласите Николь.

* * *

Николь вошла в зал вместе с Аллегрой.

Дым уже рассеивался, но воздух оставался тяжёлым. На полу лежали мокрые покрывала, обломки рам и куски обгоревшей штукатурки.

Николь остановилась возле стены.

— Этого прохода не было на моём плане.

— Но он здесь, — сказал Шарль. — Жак забрал её через эту дверь.

Николь внимательно осмотрела панель.

Потом опустилась на колени.

— Принесите лампу.

Шарль подал ей ближайшую.

В нижней части стены находился узкий паз. Николь вставила в него кончик карандаша и надавила.

Панель приоткрылась.

Шарль первым шагнул в темноту.

— Подождите, — остановила его Николь.

— Мы уже слишком долго ждали.

— Если пойдёте не туда, потеряете ещё больше времени.

Он хотел возразить, но сдержался.

Николь подняла лампу и прислушалась.

— Основной проход уходит к часовне. Его нашли люди Эдмунда. Но Жак не воспользовался им.

— Откуда ты знаешь? — спросила Аллегра.

— Здесь воздух холоднее.

Она провела ладонью возле правой стены.

Пламя лампы едва заметно отклонилось.

— За камнем есть ещё одна полость.

Эдмунд посмотрел на план Николь.

— На рисунке её нет.

— Я не успела пройти нижнюю развилку до конца.

— Значит, Жак приготовил второй выход, — сказал Ален.

Николь кивнула.

— И он хотел, чтобы мы нашли первый.

* * *

Они вошли в проход.

Шарль шёл впереди, затем Николь с лампой, за ней Ален, Аллегра и Эдмунд. Двое вооружённых людей замыкали цепочку.

На каменных ступенях виднелись свежие следы.

— Здесь прошли двое, — сказал Эдмунд. — Один человек ступал уверенно. Второй несколько раз скользил.

Шарль сжал челюсти.

— Аврора сопротивлялась.

На первом повороте Николь остановилась.

Возле стены что-то блеснуло.

Шарль поднял маленькую серебряную застёжку.

Несколько мгновений он смотрел на неё, не дыша.

— Это её.

— Ты уверен? — спросил Ален.

— Я видел эту застёжку на её рукаве.

Шарль сжал находку в ладони.

— Она оставила её для нас.

Аллегра посмотрела в глубину прохода.

— Значит, Аврора верит, что мы пойдём следом.

— Мы пойдём, — ответил Шарль.

На следующей лестнице они нашли стрелку, нацарапанную на сыром камне.

Николь коснулась линии.

— След свежий.

— Булавка, — сказал Шарль. — Она открыла ею дверь своей комнаты.

Он впервые за всё это время вдохнул свободнее.

Аврора была не просто пленницей.

Она сама прокладывала им путь.

* * *

У развилки они услышали голоса людей Эдмунда, осматривавших выход возле часовни.

Правый проход был открыт.

Левый упирался в каменную стену.

— Здесь, — сказала Николь.

Шарль осмотрел кладку.

— Я не вижу двери.

— Жак тоже не видел её глазами.

Николь закрыла глаза и медленно провела рукой по камням.

Один из них выступал немного сильнее остальных. Она нажала на его нижний край.

Стена дрогнула.

— Как ты это нашла? — спросил Ален.

— Остальные камни покрыты пылью. К этому прикасались часто.

Плита отодвинулась, открывая вторую лестницу.

На её ступенях темнели следы обуви.

Шарль бросился вниз.

* * *

Потайная лестница вывела их в маленькое помещение без окон.
На полу стоял открытый сундук. Рядом лежал погасший фонарь.
Эдмунд поднял дорожный ремень, забытый возле стены.

— Здесь всё было приготовлено заранее.

Ален подошёл к наружной двери.

Она была не заперта.

За ней находился заброшенный двор, отделённый от улицы высокой стеной. В земле отпечатались колёса.

Один из людей Эдмунда присел возле следов.

— Экипаж тяжёлый. Уехал совсем недавно.

— Куда ведёт дорога? — спросил Шарль.

— На север. Потом соединяется с двумя трактами.

Эдмунд вышел во двор.

Вдалеке ещё виднелось красное зарево пожара.

— Приведите лошадей.

* * *

Во дворе уже ждали лошади, привезённые из делийской конюшни Эдмунда.

Аллегра быстро осмотрела их.

Шарль потянулся к ближайшему жеребцу, но она остановила его.

— Не этого. Он устал и бережёт левую ногу.

Она подвела к нему высокого тёмно-гнедого коня.

— Возьми этого. Он сильный и не боится шума.

Шарль положил ладонь на шею животного.

— Ты уверена?

— Я всегда уверена, когда речь идёт о лошадях.

Несмотря на тревогу, Ален посмотрел на неё с короткой улыбкой.

— Здесь она никогда не ошибается.

Аллегра выбрала спокойную серую кобылу для себя. Ален и Эдмунд сели на коней, которых привели их люди.

Николь осталась возле ворот.

— Я поеду с вами, — сказала она.

Аллегра покачала головой.

— Ты едва стоишь.

— Я знаю дом и дорогу.

— Дом — да. Но сейчас нам нужен тот, кто поможет оставшимся людям выбраться из него.

Николь посмотрела на раненых, которых продолжали выводить во двор.

Она понимала, что сестра права.

— Северный тракт проходит рядом со старым каналом, — сказала Николь. — В тайном ходе я слышала воду с левой стороны. Значит, Жак выехал не к большой дороге, а к узкому мосту.

Эдмунд кивнул.

— Это сократит путь.

Николь отдала план Алену.

— Верните её.

— Вернём, — ответил он.

Аллегра наклонилась с седла и коснулась руки сестры.

— Теперь жди нас. Недолго.

Николь сжала её пальцы.

— Я больше не умею просто ждать.

— Тогда помоги тем, кто здесь. А мы сделаем остальное.

Лошади сорвались с места.

* * *

Ночной Дели постепенно оставался позади.

Улицы становились уже и темнее. Свет фонарей исчез. Впереди лежала только дорога, серебрившаяся под редкими лучами луны.

Шарль ехал первым.

Он не чувствовал ни усталости, ни боли в раненом плече. В кулаке, сжимавшем поводья, по-прежнему лежала серебряная застёжка.

Эдмунд поравнялся с ним.

— Не загоняй коня. Он понадобится тебе в конце пути.

— Если мы опоздаем, конец пути уже не будет иметь значения.

— Жак не убьёт Аврору.

— Откуда вы знаете?

— Она нужна ему.

— Он всю жизнь использовал её.

— Именно поэтому она пока жива.

Шарль посмотрел на Эдмунда.

— Вы говорите о собственной дочери так спокойно.

Лицо Эдмунда изменилось.

— Если я позволю себе говорить иначе, то не смогу довести вас до неё.

Шарль отвёл взгляд.

Только сейчас он понял, чего стоило этому человеку внешнее спокойствие.

* * *

Возле узкого моста следы экипажа разделились.

Одни уходили к северному тракту.

Другие поворачивали на запад.

Человек Эдмунда спешился и осмотрел землю.

— Здесь прошли два экипажа.

— Жак приготовил ещё один ложный след, — сказал Ален.

Шарль посмотрел на обе дороги.

— Какая ведёт к склепу?

— Обе могут вывести к старому кладбищу, — ответил Эдмунд. — Но западная длиннее.

— Значит, северная.

— Слишком очевидно.

Шарль сжал поводья.

— У нас нет времени гадать.

Ален молчал.

Он смотрел на тёмные деревья возле западной дороги.

И вдруг увидел другую ночь.

Он был маленьким. Сидел впереди отца на лошади. Эдмунд держал поводья одной рукой, а другой придерживал сына.

Вдалеке возвышалась часовня.

Возле дороги стоял каменный ангел с отколотым крылом.

— Там спят наши предки, — говорил отец. — Однажды я расскажу тебе о каждом из них.

Воспоминание исчезло.

Ален поднял голову.

Среди деревьев, почти скрытый плющом, стоял каменный ангел.
Одно крыло было отколото.

— Западная дорога, — сказал он.

Эдмунд посмотрел на статую.

— Ты вспомнил.

— Не всё. Но достаточно.

Шарль первым направил коня на запад.

Остальные последовали за ним.

* * *

В экипаже Аврора почувствовала, как колёса резко повернули.

Жак сидел напротив, не выпуская из рук перстень.

Он смотрел в окно и не замечал, что она медленно распускает край тёмной накидки.

Аврора оторвала узкую полоску ткани.

Когда экипаж качнуло на выбоине, она просунула руку к краю дверцы и выпустила ткань наружу.

Чёрная полоска упала возле дороги.

Жак повернулся.

— Что ты делаешь?

— Пытаюсь не упасть.

Он посмотрел на её руки, но ничего не заметил.

— Скоро приедем.

— К мёртвым?

— К тем, кто слишком долго скрывал от меня правду.

Аврора отвернулась к окну.

— Они ничего тебе не должны.

— Все мне что-нибудь должны.

Экипаж продолжил путь.

* * *

Шарль заметил тёмную полоску на ветке терновника.

Он остановил коня и сорвал ткань.

— Это её накидка.

Аллегра провела пальцами по разорванному краю.

— Ткань оторвана нарочно.

Ален посмотрел на дорогу.

— Мы едем правильно.

— И она знает, что мы близко, — сказал Шарль.

Они снова пустили лошадей вперёд.

Дорога поднималась на холм. Деревья расступались, открывая тёмное небо.

На вершине показалась старая каменная ограда.

За ней возвышался крест часовни.

Эдмунд остановился лишь на мгновение.

— Старое семейное кладбище.

Шарль посмотрел на ворота.

Возле них темнели свежие следы колёс.

— Она там.

Он пришпорил коня.

Остальные последовали за ним.

А впереди ночь уже скрывала и часовню, и вход в склеп, и человека, который верил, что наконец оказался в одном шаге от тайны всей своей жизни.

Глава 77. Склеп

Ночь скрыла старое кладбище почти полностью.

Только луна иногда пробивалась сквозь тяжёлые облака, серебря каменные кресты и заросшие плющом дорожки.

Жак остановился перед старой часовней.

Аврора сидела в экипаже и смотрела на чёрное здание.

— Мы приехали?

— Да.

Жак вышел и открыл дверцу.

— Выходи.

Аврора не двинулась.

— Что ты хочешь найти здесь?

Жак посмотрел на неё.

— Ответ.

— На какой вопрос?

Он помолчал.

— Почему ваш род столько лет скрывал тайну поместья.

Аврора горько усмехнулась.

— А ты думаешь, что мёртвые тебе ответят?

— Иногда мёртвые хранят больше правды, чем живые.

Он протянул ей руку.

Аврора вышла.

Они вошли в часовню. За алтарём находилась каменная дверь.

Жак достал перстень. Вставил его в небольшое углубление.

Раздался тихий металлический шелчок. Камень дрогнул.

Аврора отступила.

Часть стены медленно отъехала в сторону. За ней открылась лестница.

— Ты знал, что она здесь?

— Я знал, что должна быть.

Они спустились.

* * *

Внизу было холодно. Слишком холодно для тёплой индийской ночи.

На стенах стояли старые фамильные гербы.

Равели.

Аврора остановилась возле одного из них. Она увидела знакомый знак.

— Я уже видела его, — сказала она.

Жак резко повернулся.

— Где?

— В детстве.

— Что ты помнишь?

Аврора закрыла глаза.

Перед ней возникло смутное воспоминание.

Большой зал. Солнечный свет. Женщина с рыжеватыми волосами. Мужчина, который смеётся. Маленький мальчик держит её за руку.

И голос:

— Аврора, не убегай далеко.

Она открыла глаза.

— Здесь я была ребёнком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.